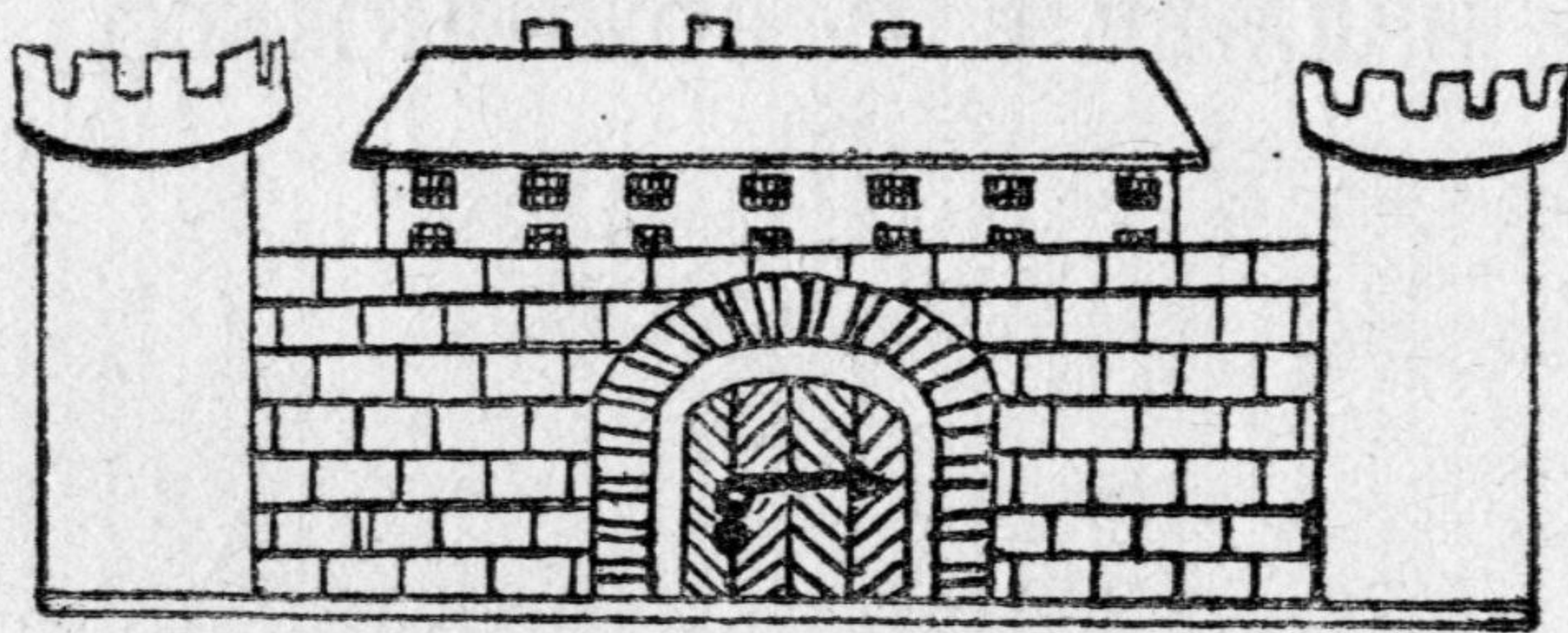

Вл. Войтинскій.

ВНѢ ЖИЗНИ.

Очерки тюрьмы и каторги.

Обложка и заставки работы художн. Н. Войтинской.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

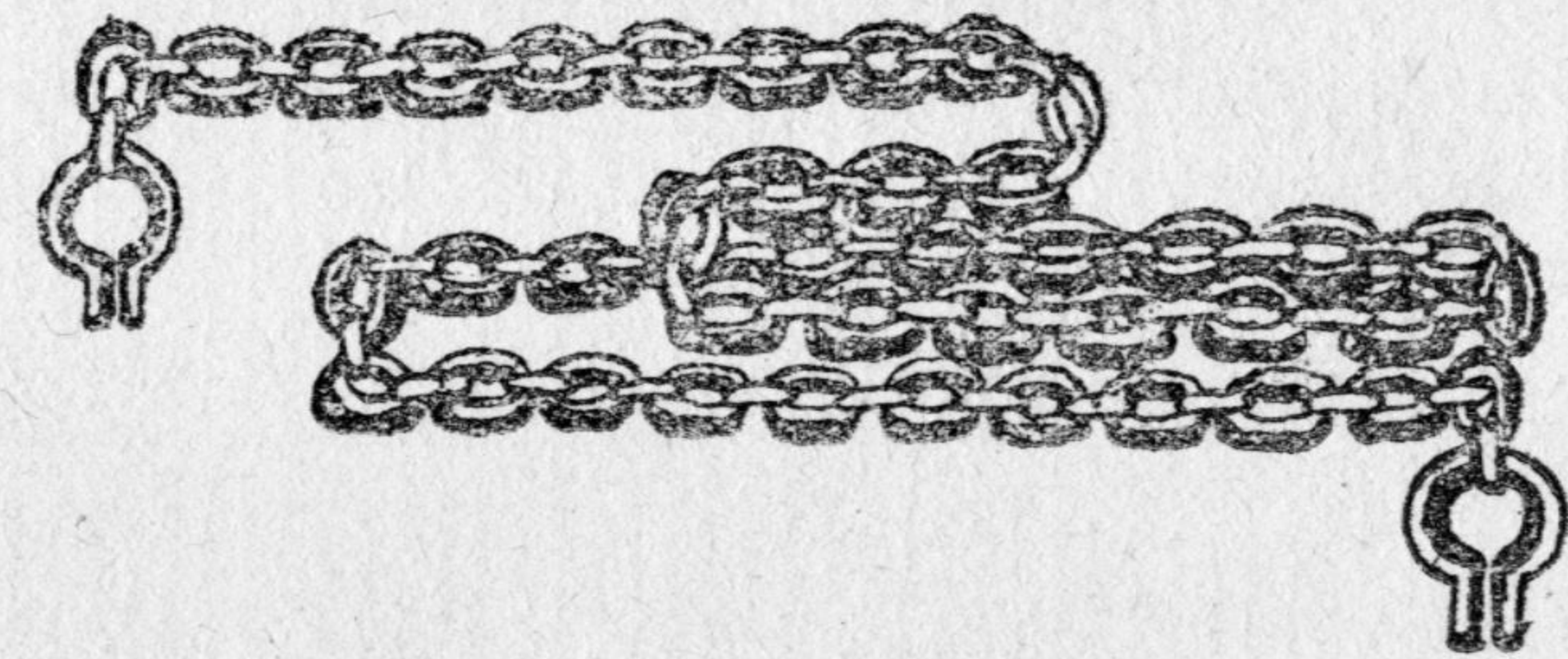
ИЗДАНИЕ В. С. ВОЙТИНСКАГО.

*Эти страницы, написанныя въ тюрьмѣ
и на каторгѣ,*

посвящаю моей сестрѣ

*Надеждѣ Савельевнѣ
Войтихской.*

Авторъ.

Отъ автора.

Печатаемые здѣсь очерки написаны за время отъ 1908 до 1912 года. Эти годы авторъ провелъ въ тюрьмѣ и на каторгѣ въ обстановкѣ, открывшей ему возможность наблюденій надъ такими явленіями, о которыхъ свободные люди мало думаютъ, такъ какъ мало знаютъ. Авторъ считалъ своимъ долгомъ описать то, что пришлось ему видѣть. Это не публицистика, такъ какъ авторъ не задавался цѣлью убѣдить кого то въ чемъ бы то ни было. Это не беллетристика, такъ какъ авторъ ничего не сочинялъ и не задавался никакими художественными цѣлями. Это не мемуары, такъ какъ личныя переживанія автора для данныхъ очерковъ не имѣютъ большого значенія. Скорѣе всего — это отчетъ, который даетъ авторъ о видѣнномъ.

Собранные здѣсь очерки первоначально печатались за различными подписями въ различныхъ зданіяхъ¹⁾. Авторъ рѣшился переиздать ихъ, такъ какъ только собранные вмѣстѣ, въ естественной послѣдовательности, эти очерки могутъ дать болѣе или менѣе полную картину.

Иркутскъ
Январь 1914 г.

Вл. Войтинскій.

¹⁾ „Смертники“ — „Вѣстн. Европы“ — июль-августъ 1910 г. „За желѣзной рѣшеткой“ — „Русское Богатство“ — №№ 6, 7, 8 за 1912 г. „Послѣ взрыва“ — „Русское Богатство“ — августъ 1913 г.

И являлась мысль: повсюду, вѣдь, то же самое! Выхода нѣтъ. Я безсиленъ и безпомощенъ. Быть можетъ мое положеніе скоро измѣнится: я выйду на волю, вернусь къ любимой наукѣ, вернусь къ общественной дѣятельности. Но вѣдь это останется. Я не буду видѣть секретокъ, трагическихъ лицъ, не буду слышать стонѣвъ, криковъ, вѣчнаго звона кандаловъ. Я забуду эти картины и эти звуки. Но вѣдь это значитъ просто закрыть глаза и заткнуть уши! Этого я не хочу, этого я не могу принять. А другого выхода нѣтъ! Или на подобіе перепуганнаго страуса зарыть свою голову въ песокъ, или жить съ открытыми глазами, съ открытыми ушами. А въ послѣднемъ случаѣ — вѣчно остаться въ кровавомъ туманѣ. Куда ни пойдешь — этотъ туманъ не покинетъ меня. Повсюду будутъ преслѣдовать тебя оставленные далеко позади картины и звуки. Ты останешься среди висѣлицъ, гдѣ бы ты ни былъ и тамъ, внѣ тюремныхъ стѣнъ.

Не было выхода!

Это сознаніе было безконечно тягостно. Съ этимъ сознаніемъ все умирало въ душѣ. Не оставалось мѣста ни жаждѣ свободы, ни желанію сохранить жизнь. Не оставалось ничего, кромѣ чудовищнаго кошмара, и не чувствовалось ему конца.

Послѣ взрыва.

I.

Послѣдніе дни въ тюремѣ чувствовалось какое-то необыкновенное волненіе.

Весеннее солнце привѣтливо освѣщало широкій тюремный дворъ. Цѣлые снопы свѣта проникали въ камеры сквозь желѣзныя рѣшетки. Но не было въ камерахъ обычнаго — даже въ тюремѣ — весенняго оживленія.

Приближалась весенняя сессія военно-окружного суда. Копіи обвинительныхъ актовъ были уже вручены заключеннымъ. Извѣстно было имя генерала, который будетъ предсѣдательствовать въ весенней сессіи. И по этому имени и по тому, какъ беспощадно свирѣпо были составлены обвинительные акты, тюрьма ожидала, что предстоящая сессія будетъ еще беспощаднѣе, чѣмъ недавно закончившаяся зимняя сессія, что на этотъ разъ судъ не удовлетворится какими-нибудь двумя десятками смертныхъ приговоровъ...

Въ тюремѣ было свыше 150 человѣкъ, которые должны были черезъ нѣсколько дней или нѣсколько недѣль предстать передъ военными судьями. Среди этихъ 150 человѣкъ были и дурные люди и хорошіе; были преступники, дѣйствительно, виновные въ совершеніи приписываемыхъ имъ преступленій, и люди совершенно невинные, арестованные по ошибкѣ; были идейные люди, политическіе борцы, и простые грабители, и мирные обыватели, никогда не думавшіе ни объ идейной политической борьбѣ, ни о грабежахъ. И всѣ они жили теперь подъ гнетомъ одной мысли,

подъ гнетомъ мысли о приближающемся днѣ безпощаднаго слѣпago суда.

Мрачно и тягостно было состояніе этихъ людей. И душевное состояніе ихъ передавалось другимъ заключеннымъ. Вся тюрьма была полна тягостнаго ожиданія весенняго суда. Тревожное, тоскливое ожиданіе наполняло и тѣ камеры, гдѣ не было ни одного смертника, ни одного кандидата на висѣлицу.

Необыкновеннымъ волненіемъ была охвачена и тюремная администрація. Охранное отдѣленіе секретной бумагой увѣдомило начальника тюрьмы, что, по имѣющимся агентурнымъ свѣдѣніямъ, смертники, которымъ предстоитъ судиться въ ближайшую сессію, готовятъ отчаянную попытку побѣга. И администрація тюрьмы приняла свои мѣры, чтобы не допустить осуществленія этой попытки. Въ тюрьмѣ чуть не ежедневно производились обыски. Вокругъ тюремной ограды былъ выставленъ усиленный воинскій караулъ. Въ тюрьму нѣсколько разъ пріѣзжалъ инспекторъ. Начальство ежедневно вело бесѣды съ надзирателями, стараясь развить въ нихъ сознаніе отвѣтственности и, главное, необходимый боевой духъ. И надзиратели, взвинченные этими бесѣдами, ходили по тюрьмѣ угрюмые и напряженные, съ разстегнутыми кабурами револьверовъ. А старшій надзиратель Волковъ, грубый и жестокій человѣкъ, ненавидѣвшій арестантовъ и пользовавшійся общей ненавистью тюрьмы, послѣдніе дни разговаривалъ съ арестантами не иначе, какъ держа правую руку на ручкѣ своего нагана, подчеркивая свою готовность въ любой моментъ пустить оружіе въ дѣло.

Все это еще болѣе усиливало тревожное настроеніе въ тюрьмѣ.

Чувствовалось, что надъ тюрьмой вѣетъ смерть. Но къ смерти привычна тюрьма, переполненная людьми, которые со дня на день ожидаютъ висѣлицы. И, несмотря на

наполнявшее ее дыханіе смерти, наша тюрьма продолжала жить своей обычной тусклой, медленной жизнью.

Въ это время я лежалъ въ тюремной больницѣ. Всѣ двѣнадцать коекъ въ нашей палатѣ были заняты. Но политическихъ было среди больныхъ только трое: я, чахоточный рабочій Борисовъ и послѣдственный Евгений. Тяжелѣе другихъ болень былъ Евгений: онъ лежалъ въ горячкѣ, и жизнь боролась въ немъ со смертью. Мы съ Борисовымъ были много крѣпче и свободно ходили по палатѣ. Среди остальныхъ больныхъ, уголовныхъ, особенно тяжелыхъ не было.

Въ палатѣ постоянно было тихо. Разговоры велись вполголоса. Только лежавшій рядомъ со мной черный, какъ уголь, пожилой цыганъ-конокрадъ цѣлыми часами тянулъ какую-то пѣсню. Въ этой пѣснѣ, больше похожей на завыванье, нельзя было разобрать ни словъ, ни мотива. И подъ ноющіе звуки ея время тянулось въ нашей больничной палатѣ еще медленнѣе и тоскливѣе, чѣмъ въ другихъ камерахъ.

Было около 1 часа дня, время послѣобѣденнаго сна. Въ палатѣ раздавался громкій храпъ спящихъ. Мнѣ не хотѣлось спать и, поднявшись со своей койки, я подошелъ къ окну.

Пустынно было на широкомъ тюремномъ дворѣ, усыпанномъ желтымъ пескомъ. Зеленѣли ранними весенними листочками рѣдкія деревья. Медленно ходили взадъ и впередъ часовые. У тюремной прачешной два арестанта развѣшивали мокрое бѣлье на веревки. Стая голубей мирно клевала остатки какой-то желтой каши.

Я стоялъ у окна и смотрѣлъ на эту привычную картину: больше не на что было смотрѣть.

Но вотъ дворъ началъ понемногу оживляться. На прогулку вывели 14-ую политическую камеру. Изъ окна не видно было гуляющихъ, такъ какъ загородка, гдѣ гуляли

они, помѣщалась за угломъ тюрьмы, у правой стѣны тюремной ограды. Но я узналъ камеру по голосамъ: въ 14-ой камерѣ я сидѣлъ до болѣзни и хорошо зналъ всѣхъ находящихся въ ней арестантовъ. И теперь я прислушивался къ знакомымъ голосамъ. Крикъ, шутки, молодой разразительный хохотъ оживили тюремный дворъ.

Мимо оконъ больницы прошла въ загородку у лѣвой стѣны другая толпа заключенныхъ. Эти были въ казенномъ сѣромъ платьѣ. У многихъ звенѣли кандалы на ногахъ. И шли они безъ веселыхъ шутокъ и смѣха, съ опущенными головами. Изъ больничнаго окна видна была часть загородки у лѣвой стѣны. Можно было видѣть лица гуляющихъ. Гуляла 9-ая камера. Это была камера ближайшихъ кандидатовъ на висѣлицу: большинству гуляющихъ предстояло судиться ближайшей сессіей военного суда. Промелькнуло предо мной молодое красивое лицо Саши Ковалева, съ которымъ я не разъ встрѣчался въ тюремной конторѣ во время свиданій. Промелькнуло еще нѣсколько знакомыхъ лицъ.

И вставали въ памяти обвиненія, предъявленные этимъ людямъ. Вспоминалась грозная 279 статья. И сверлила мозгъ неотвязная мысль: вотъ проходятъ предо мной, кружась въ узкой проволочной загородкѣ, живые мертвецы, люди, изъ которыхъ немногіе проживутъ до конца слѣдующаго мѣсяца; вотъ движутся они, какъ живые люди, а за плечами у каждого стоитъ смерть.

... Вдругъ раздался оглушительный гулъ взрыва съ лѣвой стороны двора, гдѣ гуляла 9-ая камера. Весь дворъ наполнился дымомъ. Со звономъ посыпались стекла изъ оконныхъ рамъ. Теплая струя воздуха ударила въ лицо съ такой силой, что я едва устоялъ на ногахъ... И наступила зловѣщая тишина.

Ужасъ наполнилъ тюрьму. Только изъ одной угловой башни тюрьмы можно было видѣть, какъ произошелъ

этотъ взрывъ. Оттуда видѣли, какъ вышедшіе на прогулку арестанты сложили у тюремной стѣны груды матрасовъ; какъ одинъ изъ заключенныхъ, наклонившись надъ матра-сами, зажегъ спичку, какъ будто закуривая папироску, и затѣмъ быстрыми шагами отошелъ въ противоположный уголъ загородки; какъ послѣ взрыва бросились арестанты къ стѣнѣ, ожидая найти въ ней широкую брешь къ свободѣ, и какъ замерли они въ отчаяніи, когда разсѣялся дымъ и ясно стало, что сила взрыва оказалась недостаточна, и тюремная стѣна высится передъ ними такъ же безпощадно твердо, какъ раньше.

Все это видно было изъ окна угловой башни. Въ остальныхъ камерахъ видѣли лишь дымъ, внезапно окутавшій тюрьму, да слышали гулъ взрыва, повторенный и усиленный тюремными сводами, и звонъ посыпавшихся изъ оконъ стеколъ.

Чувствуя, что сейчасъ начнется что-то чудовищное, заключенные бросились прятаться. Но куда спрячешься въ каменномъ мѣшкѣ? Забивались подъ нары, подъ койки, тѣснились за выступами печей, укрывались за сброшенными на полъ матрасами. И, затаивъ дыханіе, дрожа отъ страха, ждали... Ждали, что будетъ.

Грянулъ въ тишинѣ тяжелый выстрѣлъ берданки. Прозвучалъ характерный сухой трескъ браунинга. И опять наступила тишина. Прошло нѣсколько секундъ... затѣмъ воздухъ сразу наполнился нестройными звуками выстрѣловъ, стопами, криками... Еще раза 2—3 слышны были выстрѣлы браунинга. Потомъ они смолкли. Теперь гремѣли только берданки да наганы.

Тюремные своды гулко повторяли громъ выстрѣловъ и нельзя было разобрать въ этомъ хаосѣ звуковъ, гдѣ стрѣляютъ. Выстрѣлы гремѣли со всѣхъ сторонъ. Тюрьму обстрѣливали и съ окружающаго ее двора, и съ коридоровъ. Со всѣхъ сторонъ неслись стоны и крики. Стоны боли и

крики ужаса неслись и съ верхняго коридора тюрьмы, и изъ подвального этажа, изъ камеръ, расположенныхъ рядомъ съ больницей, и со двора. И изъ всѣхъ этихъ звуковъ вырывался изступленный, визгливый голосъ Волкова:

— Бей всѣхъ до послѣдняго! Бей всю политику!

Громъ выстрѣловъ, стоны и крики слились въ какую-то чудовищную какофонию. Но всего хуже была неизвѣстность. Кто убить? Кто раненъ? Куда и откуда стрѣляютъ? И, несмотря на свистѣвшія въ воздухѣ пули, я не могъ оторваться отъ окна. Склонившись къ подоконнику, плотно прижавшись лицомъ къ нижнимъ прутьямъ рѣшетки, я смотрѣлъ во дворъ.

Дворъ былъ полонъ надзирателей. Они суетились, безъ толку бѣгая взадъ и впередъ, поминутно заряжали свои берданки и револьверы и безостановочно стрѣляли. Стрѣляли въ окна тюрьмы и въ глубину двора, — въ ту сторону, гдѣ гуляла 14-ая камера. Оттуда неслись душу раздирающіе крики.

Сквозь дымъ можно было разглядѣть на желтомъ пескѣ тюремнаго двора нѣсколько труповъ. Но лицъ убитыхъ нельзя было разобрать. Я узналъ только синій пиджакъ политическаго старосты Михаила...

Во дворъ ввели двѣ роты солдатъ. Ихъ выстроили около самой конторы. И стояли они тамъ неподвижной массой, не принимая никакого участія въ стрѣльбѣ. Стрѣляли только надзиратели.

Среди суетившихся во дворѣ надзирателей виднѣлось много всякаго начальства, военнаго и гражданскаго. Суетился, кричалъ что-то несуразное и махалъ руками важный и толстый тюремный инспекторъ. Лебезилъ передъ нимъ, непрерывно прикладывая руку къ козырьку, начальникъ нашей тюрьмы, — маленькій, плюгавенькій человечекъ съ незначительнымъ краснымъ лицомъ, слезящимися глазами и торчащими, какъ у кота, усами. Какой-то чи-

новникъ внимательно осматривалъ лежащія на землѣ трупы, шевеля ихъ тросточкой. Другой чиновникъ, собравъ около себя кучку надзирателей, указывалъ имъ цѣль для стрѣльбы, гдѣ-то въ правомъ концѣ двора, и слѣдилъ за результатомъ стрѣльбы.

И среди всей суматохи громко раздавался срывающийся голосъ Волкова:

— Бей всѣхъ, до послѣдняго!

Вотъ выстрѣлы во дворѣ стали утихать. Надзиратели, одинъ за другимъ, покидали дворъ, заходили въ корпусъ тюрьмы. И пуце грохотали выстрѣлы во внутреннихъ коридорахъ тюремнаго зданія. Крики ужаса и стоны въ камерахъ усилились и слились въ одинъ чудовищный вопль...

Къ намъ, въ больничную палату почему-то не стрѣляли. Только въ окно залетѣло нѣсколько шальныхъ пуль.

Наконецъ, ввели во внутренніе коридоры воинскій караулъ. Выстрѣлы прекратились. Начальство военное и гражданское, вслѣдъ за солдатами и надзирателями, вошло въ корпусъ тюрьмы. Дворъ опустѣлъ. Крики стихли. Доносились только со всѣхъ сторонъ слабые стоны.

Такъ продолжалось нѣкоторое время. Затѣмъ на больничномъ коридорѣ началась суматоха. Сюда начали сносить раненыхъ со всей тюрьмы. Сносили сюда и умирающихъ. Съ коридора неслись теперь громкіе стоны, какой-то нечеловѣческій вой и хрипъ.

Опять хуже всего была неизвѣстность. И я подошелъ къ двери, стараясь сквозь узкую прозорку разглядѣть лица товарищей, которыхъ приносили къ намъ на коридоръ. Но прозорка была такъ узка, что невозможно было сквозь нее окинуть взглядомъ весь коридоръ. Къ тому же глубина коридора тонула во мракѣ. Ясно видны были лишь тѣ люди, которые лежали прямо противъ двери нашей палаты.

Прямо противъ меня, на грязномъ асфальтовомъ полу, закинувъ назадъ голову, лежалъ мертвенно блѣдный юноша, почти мальчикъ. Кровь слиплась комками въ его длинныхъ бѣлокурыхъ волосахъ. Глаза были закрыты, бѣлѣла слюна или пѣна въ углахъ рта. Я вздрогнулъ, узнавъ Сашу Ковалева.

Я зналъ исторію этого юноши. Его ждалъ несомнѣнный смертный приговоръ за экспроприацію, въ которой онъ не участвовалъ. Но онъ тщательно скрывалъ это отъ старушки-матери, которая очень часто приходила къ нему на свиданіе. И я слышалъ однажды во время свиданія, какъ, стоя рядомъ со мной у частой желѣзной рѣшетки, отдѣлявшей насъ, арестантовъ, отъ посѣтителей, этотъ юноша веселымъ и беззаботнымъ тономъ увѣрялъ плакавшую передъ нимъ старушку, что арестованъ онъ по ошибкѣ, что слѣдователь обѣщалъ его выпустить не позже Пасхи, что задержка вышла только изъ-за бумагъ и что мать ни въ коемъ случаѣ не должна беспокоить слѣдователя разспросами о сынѣ, такъ какъ это не разрѣшается и слѣдователь можетъ за это продержать его въ тюрьмѣ лишній мѣсяцъ. Старушка и вѣрила, и не вѣрила словамъ своего сына и только повторяла: «Дай Богъ, дай Богъ!» и плакала. И глубоко трогательной показалась мнѣ тогда наивная ложь молодого смертника.

Я живо вспомнилъ эту сцену, когда увидѣлъ передъ собой умирающаго юношу. Грудь его тяжело подымалась и опускалась. Догорала послѣдняя искра молодой жизни.

Къ двери нашей палаты подошла толпа людей. Звякнулъ ключъ въ замкѣ. Дверь отворилась, и чей-то грубый голосъ произнесъ:

— Заходи!

Въ палату ввалилось человѣкъ десять арестантовъ съ узлами бѣлья и свернутыми тюфяками въ рукахъ.

Головы вновь прибывшихъ были повязаны грязными бѣ-

лыми и цвѣтными платками. У иныхъ повязки шли черезъ лобъ, у иныхъ черезъ носъ. И по этимъ повязкамъ, и по краснымъ изъязвленнымъ лицамъ не трудно было узнать въ нихъ сифилитиковъ.

Сложили свои узлы и тюфяки частью на полу, частью на столѣ. И одинъ изъ прибывшихъ, извѣстный среди уголовныхъ воръ Полевой, сказалъ:

— Перегнали сюда насъ... Потому — наша камера теперь подъ раненыхъ пошла.

Онъ подскѣлъ на кровать къ цыгану и спросилъ его, указывая на меня и на Борисова:

— Что? это — политика, небось?

Узнавъ, что мы политическіе, онъ всталъ и подошелъ къ намъ:

— А, политическіе! Черезъ васъ, сукиныхъ дѣтей, тюрьму разстрѣляли! Черезъ васъ сколько народу перебили! А вамъ всего мало. Безъ васъ присяжные мѣсяцы, бывало, давали, а то и «не виновенъ» совсѣмъ. А черезъ васъ, сволочей, военный судъ теперь капку даетъ, да безсрочную! Стервы проклятыя! Погодите, придетъ уже и вашъ часъ! Отплатятся вамъ наши слезы. Если хоть одного вора сегодня убили или ранили, завтра всѣхъ здѣсь пойдемъ крошить. Такъ начальству и скажемъ: разрѣшите, молъ, ваше благородіе, намъ самимъ съ этой сволочью расправиться! Чтобы, значитъ, своими руками передушить. Мало васъ били! Это вамъ только начало... Завтра вамъ по-настоящему покажемъ.

Полевой повысилъ голосъ почти до крика. Онъ ходилъ по палатѣ, размахивая руками и пересыпая свою рѣчь циничными ругательствами. Сочувственно поддерживали его пришедшіе вмѣстѣ съ нимъ сифилитики съ повязками на головѣ. И ихъ угрозы и безстыдные ругательства смѣшались со стонами, доносившимися съ коридора.

II.

Къ вечеру пріѣхалъ въ тюрьму губернаторъ.

Онъ собралъ надзирателей подъ воротами и держалъ имъ длинную рѣчь. Въ отвѣтъ на его рѣчь надзиратели орали: «рады стараться, ваше превосходительство!» и «ура!» Нѣсколько разъ снова и снова гремѣло «ура!» подъ воротами. И эти возгласы были непохожи на обычное надзирательское «ура» въ дни смотровъ и тому подобныхъ торжествъ. Сегодня голоса у всѣхъ были радостно торжествующіе, возбужденные.

Затѣмъ губернаторъ въ сопровожденіи многочисленной свиты прошелъ въ тюрьму. Толпой шли за нимъ надзиратели.

Когда губернаторъ со своей свитой проходилъ мимо нашей палаты, видно было въ прозорку, что лица у всѣхъ сіяющія, радостныя, какъ въ свѣтлый праздникъ.

Губернаторъ обошелъ всю тюрьму и уѣхалъ, когда во дворѣ было уже совсѣмъ темно.

При тускломъ мерцаніи наружныхъ фонарей видно было, какъ шелъ губернаторъ со своей свитой черезъ дворъ, направляясь въ контору. Бѣлѣли смутными пятнами кителя чиновниковъ. А сзади двигалась темная толпа надзирателей. Гулко раздавались въ ночной тишинѣ ихъ тяжелые шаги. И хотя шло ихъ черезъ дворъ около 30 человѣкъ, но въ темнотѣ ихъ толпа казалась гораздо больше.

Видно было, какъ прошла вся толпа черезъ дворъ, уже очищенный отъ труповъ и посыпанный свѣжимъ песочкомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были лужи крови. Видно было, какъ скрывались всѣ подъ воротами.

Снова наступила тишина въ разстрѣланной, полной кроваваго ужаса тюрьмѣ. И такъ неожиданна и такъ безмятежна была эта тишина, что все пережитое за этотъ день начинало казаться тяжелымъ сномъ...

Рѣзко прервали тишину какіе-то странные, дикіе звуки. Сперва почудилось, что это крики физической боли. И сознаніе прорѣзала ужасная мысль: добиваютъ раненыхъ...

Прислушался внимательнѣе.

Шумъ шелъ изъ зданія тюремной конторы, всѣ окна которой были сегодня ярко освѣщены. Не то шумѣли подъ воротами, не то — въ расположенной подлѣ самыхъ воротъ надзирательской. Можно было разобрать, что тамъ поютъ...

Три деревни, два села,

Восемь дѣвокъ, одинъ я...

— оралъ нестройный, пьяный хоръ. И это непохоже было даже на солдатское пѣнье. Это былъ какой-то безобразный, нечеловѣческій вой.

Съ жуткимъ чувствомъ прислушивалась къ этому вою тюрьма.

Вотъ заиграла визгливая гармоника подъ воротами. Въ тактъ гопака мѣрно и сильно ударяли въ землю тяжелые сапоги пляшущихъ. И попрежнему неслась безобразная пѣсня съ присвистомъ и гиканьемъ. И изъ хаоса звуковъ вырывались отдѣльные выкрики спора.

Внезапно шумъ прекратился. Въ наступившей тишинѣ раздавался подъ воротами негромкій, гнусавый голосъ начальника. Нельзя было разобрать начала его рѣчи. Но заключительныя слова отчетливо долетѣли до насъ черезъ дворъ:

— ... благодарить и жертвуетъ еще по рублю на брата за вѣрную службу!

— Радъ стараться, ваше высокоблагородіе! Ура! — гремѣло въ отвѣтъ.

И снова завизжала гармоника, снова полилась пьяная пѣсня, возобновилась опять прерванная рѣчью начальника пьяная пляска. Потомъ кричали «ура!» старшему надзирателю Волкову, какъ главному герою дня. Съ хохотомъ

и крикомъ подбрасывали его на рукахъ. Волковъ отвѣчалъ рѣчью. И отдѣльные выкрики его рѣчи ясно выдѣлялись изъ нестройнаго, пьянаго шума.

— Всѣ за одного! — кричалъ Волковъ. — Теперь на нашей улицѣ праздникъ!.. Своего не упустимъ. Всѣхъ перебьемъ до послѣдняго, а отвѣта съ насъ никакого, окромя благодарности!

Опять кричали «ура!» Еще кого-то подбрасывали на рукахъ въ воздухъ...

Часъ отъ часу болѣе шумнымъ и безудержнымъ становилось веселье подъ воротами. Уже нельзя было разобрать ни пѣсни, ни гармоника, ни топота пляски. Всѣ кричали разомъ. Подъ воротами загорѣлся какой-то пьяный споръ. Нѣсколько разъ казалось, что споръ переходитъ въ драку. Кто-то стучалъ кулаками по запертымъ желѣзнымъ воротамъ, ведущимъ во внутренній дворъ тюрьмы. И лязгъ желѣза покрывалъ всѣ звуки.

Передъ разсвѣтомъ крики подъ воротами стихли. Я заснулъ. Но краткій сонъ не принесъ успокоенія. И во снѣ слышались мнѣ стоны и крики, и во снѣ алѣла крутомъ кровь.

И не меня одного давилъ въ эту ночь кровавый кошмаръ.

III.

Это было начало кошмара, который тянулся затѣмъ долгіе, долгіе мѣсяцы.

Въ 6 часовъ утра началась въ тюрьмѣ повѣрка. Изъ окна нашей палаты видно было, какъ прошла черезъ дворъ въ корпусъ тюрьмы большая толпа надзирателей.

Какъ всегда, повѣрка начиналась съ верхняго, слѣдственнаго коридора.

Съ топотомъ, шумомъ и грубымъ смѣхомъ подымалась толпа надзирателей по лѣстницѣ. Вотъ шумъ шаговъ, го-

лосовъ и смѣха притихъ и совсѣмъ замеръ за глухими стѣнами... Свернули въ боковой коридоръ... Зашли въ какую-то камеру... Вотъ слышны какіе-то крики, тупые удары, вопли, звонъ цѣпей... Все громче, все ближе... Катится что-то тяжелое по лѣстницѣ... Гремитъ желѣзо... По всей тюрьмѣ несется высокое, отчаянное:

— Ой-ой-ой! Убиваютъ!..

Тяжелые, поспѣшные шаги по лѣстницѣ. И уже снизу доносятся тупые удары... Крики все тише, все рѣже. И въ тактъ ударамъ чей-то голосъ приговариваетъ:

— Ты здѣсь покричи-ка, покричи еще, стерва...

И только замерли въ глубинѣ подвального этажа крики и стоны истязуемаго, снова раздались отчаянные вопли на верхнемъ слѣдственномъ коридорѣ. Теперь быють нѣсколькихъ человекъ сразу. Слышно, какъ гремятъ цѣпи: значитъ, быють кандалниковъ. Но нельзя узнать по голосу, кого быють. Въ вопляхъ слышится только физическая боль да животный ужасъ. Одинъ голосъ — тонкій, высокій, какъ у ребенка... Скоро этотъ голосъ срыгается въ дикомъ воплѣ и умолкаетъ... Чей-то грубый голосъ вопить:

— Убейте, палачи, а не мучьте!

Ясно слышенъ визгливый крикъ Волкова:

— Мо-о-олчать! Изю всѣхъ мясо собачье сдѣлаю!

Дикое изступленіе ярости слышится въ этомъ крикѣ.

Снова шумъ на лѣстницѣ... Катится опять что-то тяжелое. Гремитъ о каменные ступеньки желѣзная цѣпь. Но не слышно на лѣстницѣ ни стоновъ, ни криковъ.

Такъ повторялось разъ 8 или 10. Можетъ быть, больше.

Сжавъ зубы, съ дрожащими руками, съ холоднымъ потомъ на лбу сидѣлъ я на своей койкѣ и слушалъ эти звуки.

Кто не переживалъ этого состоянія, кто не былъ въ

тюрьмѣ во время избіенія заключенныхъ, тотъ не пойметъ, какая мука слышать, какъ въ двухъ шагахъ отъ тебя, за стѣной истязаютъ кого-то, можетъ быть, твоего близкаго товарища, можетъ быть, твоего друга, — слышать крики истязателей, слышать звуки ударовъ, стоны и вопли истязуемой жертвы, слышать, какъ волочатъ по землѣ безчувственное тѣло избитаго, какъ ударяется его тѣло о ступеньки лѣстницы, — слышать все это, и чувствовать, что ты не въ силахъ вмѣшаться, не въ силахъ даже протестовать... Долженъ вотъ такъ сидѣть неподвижно и слушать... Кто не пережилъ этого состоянія, тотъ не пойметъ никогда этой пытки.

Я взглянулъ на товарищей.

Евгеній лежалъ безъ движенія съ закрытыми глазами, съ блѣднымъ, какъ полотно, лицомъ. Сперва я подумалъ, что онъ въ обморокъ. Подошелъ къ изголовью его койки. Но такая смертная мука была написана на его перекошенномъ лицѣ, что ясно стало, что онъ слышалъ все. Положилъ руку ему на лобъ, хотѣлъ сказать что-нибудь ободряющее, мужественное, но слова не шли съ языка.

Борисовъ сидѣлъ на своей койкѣ, согнувшись, закрывъ лицо обѣими руками. И глубокая горестъ, мука безсилія была написана въ его поникшей фигурѣ.

Шло время, безконечно тягучее...

Наконецъ, повѣрка пришла къ намъ, на больничный коридоръ.

Отперли дверь, ввалились въ нашу палату.

Впереди всѣхъ вошелъ Волковъ. Его красное, налитое кровью лицо все передергивалось мелкой дрожью. Прыгали вверхъ и внизъ длинные, пушистые усы. Руки были сжаты въ кулаки. Повидимому, онъ былъ сильно пьянъ. Но держался на ногахъ твердо и грудь выпячивалъ по-военному, впередъ. Изъ надзирателей иные покачивались. Среди красныхъ, потныхъ лицъ выдѣлялось въ ихъ толпѣ

два или три совершенно блѣдныхъ лица съ перепуганными, недоумѣвающими глазами.

Старшій медленно обвелъ насъ тяжелымъ, затуманеннымъ взглядомъ и остановился на Борисовѣ.

— Вотъ этого, — произнесъ онъ тихо и раздѣльно, указывая на Борисова рукой.

И моментально утративъ самообладаніе, взвизгнулъ:

— Бей!

Борисовъ стоялъ у своей койки, высокій и худой, какъ скелетъ, съ побѣлѣвшимъ лицомъ, блѣдность котораго еще больше выдѣлялась благодаря его густой черной бородѣ. Стоялъ онъ неподвижно и больше походилъ на мертвеца, чѣмъ на живого человѣка. Даже обычный чахоточный румянецъ на заострившихся скулахъ его погасъ...

Къ нему подошли два надзирателя: высокій, толстый и грузный Архиповъ и худощавый, черноусый казакъ Лещовъ. Архиповъ взялъ Борисова за плечо и потянулъ къ себѣ. Въ это время Лещовъ, весь изогнувшись, съ размаху ударилъ его кулакомъ по лицу.

Борисовъ покачнулся. На лицѣ выступила кровь. Онъ не крикнулъ, не застоналъ, не пытался защищаться. Только тихо спросилъ:

— За что?

— Молчать, сволочь! Не разговаривать! — загремѣлъ Волковъ.

И опять взвизгнулъ:

— Бей!

Архиповъ вытянулъ арестанта на середину палаты и держалъ его за обѣ руки. Лещовъ и еще два надзирателя били его кулаками по лицу и по головѣ. Волковъ внимательно слѣдилъ за избіеніемъ какъ-то странно, всѣмъ тѣломъ, подаваясь впередъ при каждомъ ударѣ.

Раза два онъ ударилъ Борисова ногой въ животъ. Затѣмъ вытащилъ изъ кобуры блестящій, тяжелый наганъ и

рукояткой его сталъ бить свою жертву по головѣ, по плечамъ.

Борисовъ гнулся подъ ударами и слабо стоналъ. Толпа надзирателей съ интересомъ слѣдила за избіеніемъ. Еще двое или трое выступили впередъ и стали наносить удары своей жертвѣ.

Били молча. Слышались только звуки ударовъ, подавленные стоны Борисова, да Волковъ взвизгивалъ отъ ярости и отъ волненія. А Архиповъ, державшій арестанта, не громко уговаривалъ его:

— Да стой ты! Стой прямо! Тебѣ говорятъ, не вертись!

Потомъ арестанта бросили на полъ и стали бить его ногами.

Наконецъ Волковъ скомандовалъ:

— Будетъ съ него. Тащи стерву въ карцеръ. Тамъ отлежится.

И, обратившись къ намъ, процѣдилъ сквозь зубы свою обычную угрозу:

— Изъ всѣхъ васъ мясо собачье сдѣлаю.

Борисова выволокли въ коридоръ. Повѣрка ушла изъ нашей палаты. Съ коридора доносилось хлопанье дверей. Слышно было, что и въ другихъ больничныхъ палатахъ избиваютъ арестантовъ. Одного за другимъ вытаскивали избитыхъ въ коридоръ и волокли въ карцеръ.

Наконецъ, повѣрка ушла съ больничнаго коридора.

Въ нашей палатѣ царила мертвая тишина. Только Полевой громко выругался и сказалъ:

— Вотъ какъ вашего брата... Это, что называется...

Но никто не поддержалъ его и никто ему не отвѣтилъ. Даже прибывшіе вмѣстѣ съ нимъ сифилитики были подавлены дикой сценой, которая только что разыгралась на ихъ глазахъ...

IV.

Въ тюрьмѣ былъ адъ. Каждый день начинался избіеніемъ арестантовъ на утренней повѣркѣ и заканчивался пѣснями и плясками надзирателей подъ воротами послѣ вечерней повѣрки.

Мнѣ тяжело вспоминать эти кошмарные дни. Еще тяжело описывать ихъ. Описывать, какъ били товарищей, какъ оплевывали ихъ, какъ топтали ихъ ногами? Описывать пощечины и удары, которые съ утра до вечера раздавались въ тюрьмѣ? Описывать, какъ стонали подъ ударами истязуемая жертвы, какъ взвизгивалъ въ дикомъ восторгѣ руководившій избіеніями Волковъ?

Нѣтъ, не нужны эти слишкомъ подробныя описанія...

Я былъ еще слабъ послѣ перенесеннаго тифа. Но не хотѣлось дольше оставаться въ больницѣ. Было какое-то безпокойное чувство, что, оставаясь въ больницѣ, я малодушно уклоняюсь отъ того, чтобы раздѣлить съ товарищами, находящимися въ общихъ камерахъ, ихъ участь.

Мучительно стыдно было собственнаго безсилія и казалось, что въ общей камерѣ это чувство исчезнетъ.

Утромъ я обратился къ больничному фельдшеру съ просьбой выписать меня изъ больницы. Тотъ взглянулъ на меня, пощупалъ пульсъ и покачалъ головой:

— Да вѣдь вы еще не поправились. Полежите еще недѣльку...

— Нѣтъ, я совершенно здоровъ. Прошу меня выписать.

— Ну, какъ знаете.

Черезъ полчаса меня перевели уже въ 14-ую камеру.

Многое перемѣнилось въ этой камерѣ за время моей болѣзни. Многихъ изъ прежнихъ товарищей уже не было въ живыхъ. Другіе выбыли изъ камеры тяжело раненные. Камера была полна кровавыхъ воспоминаній.

Заключенные были крайне запуганы. Боялись громко разговаривать другъ съ другомъ и шопотомъ перебирали другъ передъ другомъ подробности пережитыхъ дней. Всѣ мысли, всѣ рѣчи вращались вокругъ убійствъ и избіеній. Почти-каждый день кого-нибудь брали изъ камеры въ карцеръ и избивали на глазахъ у товарищей. Каждый день на коридоръ противъ 14-ой камеры происходили истязанія арестантовъ. Кровь не высыхала здѣсь на полу. И кровью былъ пропитанъ здѣсь весь воздухъ.

Я пробылъ въ этой камерѣ около недѣли. И необыкновенно длинными показались мнѣ эти нѣсколько дней.

Наконецъ, дошла очередь до меня.

Въ тюрьмѣ происходила вечерняя повѣрка. Съ повѣркой обходилъ камеры младшій помощникъ начальника тюрьмы. Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, очень глупый и самолюбивый, поступившій въ тюрьму изъ околоточныхъ, и потому считавшій себя бывшимъ офицеромъ. Еще до взрыва у него часто выходили недоразумѣнія съ заключенными. Однажды и мнѣ пришлось столкнуться съ нимъ по поводу того, что онъ тайкомъ стащилъ изъ аптеки и выпилъ бутылку вина, переданнаго тяжело больному товарищу. Тогда, до взрыва, бывшему офицеру пришлось промолчать, когда я объяснилъ ему смыслъ совершеннаго имъ поступка.

Теперь онъ пришелъ на повѣрку пьяный, съ краснымъ потнымъ лицомъ, съ осоловѣлыми глазами и гордо выпяченной грудью. Заключенные стояли передъ нимъ неподвижно, выстроившись въ два ряда вдоль стѣны. Онъ медленно обвелъ насъ мутнымъ взглядомъ, разыскивая кого-то. Остановился на мнѣ и крикнулъ:

— А ну-ка, ораторъ, выходи на коридоръ!

Я переспросилъ:

— Вы со мной говорите?

Помощникъ пустилъ непечатное ругательство и повторилъ:

— Тебѣ говорятъ, ораторъ, выходи на коридоръ!

Я выступилъ впередъ, стараясь идти возможно твердо и спокойно. Я зналъ, что сейчасъ меня будутъ бить, что я не буду сопротивляться, и рѣшилъ только не проронить ни звука, не радовать палачей проявленіемъ своей слабости. Чувствовалъ, какъ безобразно унижительна эта сцена. Но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то необыкновенно отчетливо чувствовалъ, что для меня, какъ для человѣка, эта сцена не болѣе унижительна, чѣмъ тѣ избіенія, при которыхъ я до сихъ поръ присутствовалъ въ качествѣ зрителя.

Я поровнялся съ помощникомъ, не оборачиваясь, прошелъ мимо него и вышелъ на коридоръ.

— Въ карцеръ его! — крикнулъ помощникъ.

Кто-то ударилъ меня по лицу. Слетѣли очки. Я больше не видѣлъ лицъ обступившихъ меня надзирателей. На голову, на плечи, на грудь сыпались удары кулаковъ.

— Пшелъ въ карцеръ! — кричалъ голосъ Волкова.

Но идти я не могъ. Толпа надзирателей сплошнымъ кольцомъ окружила меня. Били спереди и сзади. И такъ, подвигаясь куда-то впередъ, всей толпой, вели, или толкали, или несли меня по направленію къ карцеру. Крѣпко стиснувъ зубы, я старался только удержаться на ногахъ и сохранить сознаніе. Боли отъ ударовъ почти не чувствовалъ. Скорѣе, слышалъ удары. Чувствовалъ, какъ мотаются изъ стороны въ сторону подъ кулаками надзирателей моя голова и все тѣло.

Какъ будто издалека, изъ-подъ земли долетали до меня ругательства надзирателей и ихъ крики:

— Будешь намъ покоряться!

— Теперь наша взяла. Что захотимъ, то съ вами и сдѣлаемъ.

Передъ какой-то низенькой дверью въ нижнемъ этажѣ

тюрьмы съ меня сорвали все верхнее платье и обувь, оставили въ одномъ бѣльѣ. Снова били, пока одинъ изъ надзирателей отпиралъ дверь. Затѣмъ втолкнули въ дверь и сразу заперли ее за мной.

Крутомъ стало темно, какъ въ могилѣ.

Отъ сильнаго толчка я упалъ. Но подъ руками я почувствовалъ не твердый асфальтъ, а что-то холодное, липкое. Попробовалъ встать и тогда убѣдился, что на земляномъ полу карцера стоитъ глубокая жидкая грязь. Босыя ноги уходили въ эту грязь по щиколотку.

Крутомъ было темно, какъ въ могилѣ, и тихо, какъ въ могилѣ. Я подумалъ, что я одинъ въ карцерѣ. Но меня окликнули.

— Товарищъ новый, гдѣ вы? Отзовитесь!

— Здѣсь, — отозвался я.

— Вы откуда?

— Изъ 14-ой.

— Это васъ только что на коридорѣ били?

— Меня.

— Вы одинъ, или еще кого съ вами привели.

— Нѣтъ, я одинъ.

Вмѣшался новый голосъ:

— Вы на полу еще, товарищъ, или встали?

— Всталъ.

— Такъ присядьте сюда. Здѣсь есть одно сухое мѣстечко у стѣны. Можно отлично сидѣть. Отдохните немного.

— Спасибо, — отвѣчалъ я. — А какъ пройти?

— Подождите, сейчасъ я помогу вамъ.

Загремѣла цѣпь. Кто-то шагнулъ два раза по жидкой грязи и дотронулся до моего плеча. Чья-то рука опустилась вдоль моей руки внизъ, и я почувствовалъ крѣпкое рукопожатіе. Рука моего проводника была маленькая, тонкая и холодная, какъ ледъ.

— Сюда вотъ, сюда вотъ, — повторялъ участливо тотъ же голосъ у меня надъ ухомъ.

Я замѣтилъ, что мой невидимый, закованный въ кандалы, собесѣдникъ ниже меня ростомъ и на немъ грубое арестантское бѣлье.

Онъ помогъ мнѣ усѣсться на сухое мѣсто. Оказалось, что здѣсь уже сидитъ нѣсколько человѣкъ. Кто-то быстро провелъ рукой по моей спинѣ и сказалъ:

— Эге, да вамъ совсѣмъ плохо. Вы весь дрожите. Выпейте воды... У насъ есть здѣсь. Съ песочкомъ, но пить можно... Вы не вставайте. Я здѣсь всѣ ходы и выходы лучше знаю. Вотъ вамъ ведро. Пейте.

Вода была вонючая и настолько нечистая, что отъ глотка ея песокъ оставался во рту. Все же нѣсколько глотковъ воды помогли мнѣ справиться съ волненіемъ и съ нервной дрожью.

Началъ спрашивать своихъ невидимыхъ сосѣдей о томъ, кто они такіе и гдѣ мы находимся.

Оказалось, что мы находимся въ темномъ карцерѣ подъ сѣверной башней тюрьмы. Помѣщеніе наше совершенно круглое, около 4 шаговъ въ поперечникѣ. Кромѣ меня, здѣсь было еще шесть человѣкъ. Двое сидѣли здѣсь уже вторую недѣлю, съ самаго дня взрыва, другіе приведены сюда за послѣдніе дни. Кандалниковъ среди моихъ сосѣдей оказалось четверо, изъ нихъ трое — подслѣдственные, одинъ — уголовный каторжанинъ. Передъ заключеніемъ въ карцеръ избивали всѣхъ до одного. Двоихъ сбросили съ лѣстницы и втолкнули въ карцеръ въ безчувственномъ состояніи.

Таковъ самый общій сводъ свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ моими новыми сожителями въ первый же вечеръ. А затѣмъ шли подробности: кого за что забрали въ карцеръ, кого какъ били, кто какіе слѣды побоевъ сохранилъ на своемъ тѣлѣ. У одного кровь или какая-то сукровица не-

прерывно сочилась изъ уха и онъ ничего не слышалъ. Другой не могъ поднять руки и жаловался на нестерпимую боль въ плечѣ. У третьяго, сброшеннаго съ лѣстницы, ныла грудь, ему больно было дышать. Четвертый, неистово ругаясь и сквернословя, твердилъ, что у него отбиты всѣ внутренности.

Въ этихъ разговорахъ прошла безконечно длинная ночь, — ночь, которая не имѣла для насъ ни начала, ни конца, такъ какъ въ нашей темной могилѣ не видно было, какъ погасъ день, не видно было и того, какъ занялся разсвѣтъ.

Ныло избитое тѣло. Чувствовалась какая-то болѣзненная слабость. Но всего хуже были непрерывныя головокруженія. И я не могъ опредѣлить, зависятъ ли эти головокруженія отъ ушибовъ головы или отъ нестерпимой духоты. Чувство тошноты могло происходить и отъ той, и отъ другой причины.

Но — странное дѣло! — моральное самочувствіе какъ будто улучшилось. Не было того гнетущаго, гадкаго чувства униженія, которое до сихъ поръ ни на минуту не покидало меня съ того дня, какъ на моихъ глазахъ истязали Борисова, а я молчалъ...

Да. Я внимательно разбиралъ всѣ свои чувства и переживанія послѣднихъ дней и меня поразило неожиданное открытіе. Когда били на моихъ глазахъ товарищей, а я смотрѣлъ и молчалъ, чувство униженія было въ тысячи разъ глубже и мучительнѣе, чѣмъ нѣсколько часовъ тому назадъ, когда голова моя безпомощно моталась подъ кулаками надзирателей. Тогда — я своимъ молчаніемъ становился невольнымъ соучастникомъ невѣроятной гнусности. Теперь — меня избили, какъ могъ бы помять меня дикій звѣрь на охотѣ, какъ могъ бы разбиться я о камни при паденіи съ горы. Тогда было глубокое униженіе. Теперь я не находилъ въ себѣ этого чувства.

Прошла ночь. О наступленіи утра мы узнали, когда пришла повѣрка.

— Стань на повѣрку! — прокричалъ на коридорѣ сиплый и громкій голосъ.

Отворилась дверь, и вошли надзиратели. Передній держалъ передъ собой въ вытянутой рукѣ зажженную лампу. Неожиданный свѣтъ рѣзко ударилъ въ глаза, уже привыкшіе къ мраку, и ослѣпилъ ихъ. Маленькая тюремная лампа-коптилка показалась большой и яркой, какъ солнце. Но вдругъ пламя лампы подпрыгнуло вверхъ и потухло. Надзиратели съ шумомъ шарахнулись въ двери. И съ коридора слышенъ былъ голосъ Волкова:

— Оставь дверь открытой. Пусть воздуха найдетъ. А то лампа тухнетъ. Надышали, вонючки проклятые.

Еще много говорилъ старшій за открытой дверью, пересыпая свою рѣчь отборными словечками.

Воздухъ въ нашемъ каменномъ мѣшкѣ стало немного свѣжѣе. Тогда надзиратели снова вошли къ намъ въ карцеръ. На этотъ разъ пламя лампы задрожало, но не потухло. Насъ пересчитали. Одного изъ насъ Архиповъ ударилъ по лицу, промолвивъ:

— Чего сычемъ смотришь, стерва?

Другого Волковъ ткнулъ кулакомъ въ зубы со словами:

— Я до тебя, сволочь, давно добирался.

Затѣмъ повѣрка удалась. Захлопнулась тяжелая дверь. И снова стало въ нашемъ каменномъ мѣшкѣ темно, тихо и душно, какъ въ могилѣ...

V.

Послѣ карцера меня не вернули обратно въ 14-ую камеру, но перевели на верхній коридоръ, въ башню.

Въ башнѣ оказалось насъ всего шесть человѣкъ. Здѣсь сидѣть было спокойнѣе, чѣмъ въ большихъ общихъ ка-

мерахъ. Рѣже заглядывалъ сюда Волковъ. Рѣже приходилось подвергаться оскорбленіямъ и побоямъ.

А между тѣмъ въ остальныхъ камерахъ тюрьмы истязанія шли попрежнему.

Среди надзирателей прошелъ слухъ, что анархисты готовятъ имъ на волѣ кровавую месть за убитыхъ въ тюрьмѣ товарищей. И надзиратели подъ влияніемъ этого слуха рѣшили принять свои мѣры.

Какъ-то утромъ въ большую слѣдственную камеру вошелъ Волковъ, окруженный Архиповымъ, Лещовымъ и еще 9 или 10 надзирателями, которые отличались особымъ усердіемъ и особой жестокостью по отношенію къ заключеннымъ. Вся толпа остановилась передъ выстроившимися въ два ряда арестантами и старшій началъ рѣчь:

— У васъ на волѣ есть товарищи. Хорошо. Но и у меня есть товарищи. Вотъ моя боевая дружина. Такъ вотъ вы знайте: если тамъ кого изъ насъ хоть пальцемъ тронуть, мы здѣсь изъ васъ изъ всѣхъ лапшу собачью сдѣлаемъ... Изъ насъ кого одного ваши товарищи, можетъ, и убьютъ. Такъ вамъ всѣмъ тогда каюкъ! Такъ и знайте. У васъ слово, и у насъ тоже слово... Ваши одного, а мы — всѣхъ васъ. Пока въ тюрьму ваши защитники пріѣдутъ, собаки ужъ и кости ваши обгложутъ. Пусть и товарищи ваши на волѣ это знаютъ.

Закончивъ свою рѣчь громкимъ циничнымъ ругательствомъ, Волковъ гордо вышелъ изъ камеры, окруженный своей вѣрной дружиной. И эта рѣчь настолько понравилась ему, что на другой день онъ снова повторилъ ее въ двухъ другихъ камерахъ.

Попробовалъ выступить съ рѣчью передъ арестантами и младшій помощникъ начальника. Но у того плохо вышло. Пьянъ ли онъ былъ свѣше мѣры или его ораторскій талантъ оказался недостаточенъ, только рѣчь его,

начатая въ сильно приподнятомъ тонѣ, оборвалась на третьей фразѣ. Произнесъ онъ дословно слѣдующее:

— Слушайте вы, сволочь! Я смерти не боюсь, а жизнью рисковать не стану. Если меня убьютъ, всѣхъ здѣсь переполюю...

Закончилъ рѣчь своимъ любимымъ ругательствомъ, постоялъ съ минуту на мѣстѣ, вспоминая, что еще нужно сказать, дернулъ головой вверхъ и вышелъ изъ камеры. Въ тюрьмѣ послѣ этого бывшего офицера звали не иначе, какъ «помощникъ Переполюю»...

Пока держались слухи о готовящейся на волѣ мести за пролитую въ тюрьмѣ кровь, избіенія и истязанія заключенныхъ немного утихли. Вѣрнѣе, эти избіенія приняли новый характеръ. Политическихъ — въ особенности болѣе или менѣе видныхъ политическихъ, извѣстныхъ въ тюрьмѣ, — не трогали. Истязали лишь безотвѣтную уголовную шпану, — воришекъ, крестьянъ, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ по пьяному дѣлу, и тому подобныхъ. Но вскорѣ выяснилась полная неосновательность слуховъ, встревожившихъ тюремную администрацію. Вскорѣ выяснилось, что никакая опасность виновникамъ тюремныхъ убійствъ не угрожаетъ. Тогда бросили мелкую шпану и опять принались за политику.

Били, пользуясь каждымъ удобнымъ и неудобнымъ поводомъ. А чаще всего ни сами истязатели, ни ихъ жертвы не знали, за что бьютъ. Били, потому что можно было бить, не опасаясь отвѣтственности, и это доставляло особое наслажденіе людямъ, во власть которыхъ была отдана тюрьма съ ея тысячнымъ населеніемъ.

И тюрьма начала привыкать къ постояннымъ избіеніямъ. Да! Къ чему не привыкнетъ человѣкъ! Въ особенности, въ тюрьмѣ. Въ особенности, въ русской тюрьмѣ. Истязанія вошли въ норму жизни нашей тюрьмы, въ ея Standard of life.

Смертность въ тюрьмѣ была чудовищная. Первое время не рѣдки были случаи сумасшествія. Но у пережившихъ всѣ эти ужасы, видно, нервы притупились и приспособились къ новымъ условіямъ жизни. Это было большимъ счастьемъ для заключенныхъ.

Но плохо было одно. У истязателей тоже притупились нервы. А тамъ какъ въ основѣ тюремныхъ истязаний лежала садическая потребность истязать, то теперь нашимъ палачамъ требовались все болѣе и болѣе сильныя возбужденія. И избиенія принимали, сообразно съ этимъ, все болѣе и болѣе гнусныя формы.

Однажды на коридорѣ противъ нашей башни разыгралась такая сцена.

Утромъ въ тюрьмѣ производился обычный обыскъ. Въ 9-ой камерѣ, расположенной наискось противъ нашей башни, нашли какую-то «нелегалщину» — можетъ быть, слишкомъ широкій поясъ, можетъ быть, носовой платокъ съ цвѣтной каемкой, можетъ быть, металлическую ложку или осколокъ зеркала. Однимъ словомъ, нашли тамъ что-то неразрѣшенное. Слышно было, какъ кричалъ на 9-ую камеру Волковъ, какъ осыпалъ онъ арестантовъ площадной руганью. Затѣмъ все стихло. Камеру заперли. Надзиратели ушли съ коридора.

Казалось, на этомъ дѣло и кончится. Но это случилось въ понедѣльникъ. Это былъ всегда тяжелый день для тюрьмы, такъ какъ надзиратели приходили на службу злые, въ тяжеломъ угарѣ отъ воскреснаго пьянства. Въ этотъ день всегда избивали заключенныхъ съ особенной жестокостью.

Послѣ обѣда надзиратели рѣшили воспользоваться утреннимъ обыскомъ въ 9-ой камерѣ, чтобы устроить себѣ потѣху.

На нашъ коридоръ снова пришла толпа надзирателей человѣкъ въ 20, съ Волковымъ во главѣ. Подошли къ

9-ой камерѣ. Отперли дверь. И Волковъ крикнулъ су-рово:

— Выходи на коридоръ по одному! Живо!

Арестанты выбѣжали въ коридоръ. Въ прозорку нашей двери видны были ихъ блѣдныя, растерянные лица.

— Становись къ стѣнѣ въ рядъ! — кричалъ Волковъ. — Да живо! А то я вамъ покажу!

Звеня цѣпями, выстроились арестанты вдоль стѣны.

— Обыскъ! — продолжалъ командовать старшій. — Раздѣвайся! Все скидай съ себя! Все бросай на полъ!

Арестанты быстро скидывали съ ногъ коты и портянки, сбрасывали на полъ штаны и бушлаты. Остались въ однихъ рубашкахъ и кальсонахъ. Надзиратели стояли кругомъ цѣпью и ждали. Никто изъ нихъ не перебиралъ и не обыскивалъ платья арестантовъ, которое грязными кучами лежало на полу.

— Чего стали, сволочь? — заревѣлъ Волковъ. — Вамъ сказано, скидай все! Совсѣмъ раздѣвайся, собаки! Я вамъ покажу.

Арестанты дрожащими руками скидывали съ себя ниже бѣлье. Обнажились изможденные, грязныя тѣла, извѣденныя паразитами. И стояла передъ вооруженной толпой надзирателей эта кучка дрожащихъ, совершенно голыхъ людей. У большинства ноги были скованы толстыми желѣзными цѣпями. Эти цѣпи, не поддерживаемыя ремнями, лежали теперь на полу у ногъ кандалниковъ. И были похожи эти цѣпи на какихъ-то ядовитыхъ, свернувшихся въ клубокъ змѣй, впившихся въ ноги арестантовъ. А арестанты казались совершенно связанными своими кандалами и такими безсильными, жалкими.

Среди надзирателей на коридорѣ произошло движеніе. Человѣкъ 12 выстроились въ двѣ шеренги у дверей 9-ой камеры, такъ что между обѣими шеренгами остался сво-

бодный проходъ въ открытую дверь. Остальные тѣснѣе обступили дрожащихъ нагихъ арестантовъ.

Волковъ — онъ стоялъ прямо противъ нашей башни и я видѣлъ его усмѣхающееся, прыгающее отъ нервной дрожи, налитое кровью лицо — крикнуть:

— Заходи въ камеру по одному! Все барахло съ собой забирай!

— Пошевеливайся, ну! — прибавилъ Архиповъ, и раздался звукъ тяжелаго удара.

Еще нѣсколько ударовъ, и арестанты побѣжали къ двери своей камеры. Имъ всѣмъ приходилось бѣжать между рядами поджидавшихъ ихъ надзирателей. И, когда первый вступилъ въ проходъ между обѣими шеренгами, въ рукахъ надзирателей оказались ремни... Засвистали удары...

Надзиратели ударами кулаковъ, пинками ноги, ремнями и рукоятками револьверовъ загоняли арестантовъ въ узкій проходъ между выстроившимися у дверей 9-ой камеры истязателями. А здѣсь градъ жестокихъ ударовъ обрушивался на ихъ обнаженные плечи и спины.

Нѣкоторыхъ кандалниковъ, которые старались пробѣжать быстрее черезъ проходъ, ловили сзади за волочившіяся по полу цѣпи. И, когда человѣкъ падалъ на полъ, наступали ему ногой на шею, чтобы онъ не могъ подняться, и осыпали его ударами.

Такъ прогнали сквозь строй всѣхъ 28 арестантовъ 9-ой камеры. И, когда послѣдній избитый арестантъ заскочилъ въ камеру, заперли дверь и съ громкимъ хохотомъ ушли съ коридора.

Эта сцена продолжалась не меньше получаса. Можетъ быть, и цѣлый часъ. И такъ омерзительно гнусна была она, что даже теперь мнѣ приходится дѣлать большое усилие надъ собой, чтобы описать ее.

Такія сцены не забываются. До сихъ поръ я чувствую

жгучее чувство стыда и негодавія, когда вспоминаю объ этомъ «обыскѣ» 9-ой камеры. А тогда... Тогда я стоялъ у прозорки въ двери. И не могъ оторваться. До крови закусилъ губы, чтобы сдержать готовый сорваться крикъ, и молча смотрѣлъ и слушал. Кровь стучала въ виски и все тѣло дрожало отъ давившаго меня бѣшенства. Хотѣлось крикнуть, сдѣлать что-нибудь, чтобы отвлечь вниманіе палачей, прервать хоть на время ихъ забаву. Но стоялъ молча, прильнувъ къ прозоркѣ, впившись руками въ дверныя перекладки, чтобы не упасть. Смотрѣлъ и слушал. Хотѣлъ уйти, броситься на свою койку, зарыться головой въ подушки, чтобы не видѣть и не слышать того, что происходитъ на коридорѣ. Но было смутное чувство, что я не смѣю этого дѣлать. Какой-то голосъ твердилъ: «Стои здѣсь. Смотри, слушай»...

VI.

Такъ недѣля проходила за недѣлей, мѣсяць за мѣсяцемъ. А избіенія заключенныхъ въ тюрьмѣ все продолжались.

Много разъ заключенные пытались жаловаться высшему начальству, приѣзжавшему въ тюрьму. Жаловались на безпричинныя избіенія, которыя съ утра до вечера происходили въ тюрьмѣ. Но у начальства былъ одинъ готовый отвѣтъ на всѣ эти жалобы: «Надзиратели не звѣри. Зря бить не стануть». И послѣ того, какъ высшее начальство уѣзжало изъ тюрьмы, надзиратели вызывали жалобщиковъ на коридоръ и принимались наглядно доказывать, что они не звѣри.

Родственники заключенныхъ напрасно обивали пороги у прокурора и губернатора, напрасно плакали у нихъ въ пріемной, рассказывая объ ужасахъ, которые творятся въ тюрьмѣ. Высшіе хранители законности въ губерніи холодно замѣчали имъ: «За тюрьмой мы сами слѣдимъ. У

вась ложныя свѣдѣнія. По предпринятымъ разслѣдованіямъ, всѣ поступавшія до сихъ поръ жалобы на тюремныя избиенія оказывались ложными».

И избиенія продолжались.

Прошло ужъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ взрыва. По прежнему во главѣ истязателей оставались Волковъ, Архиповъ и Лещовъ. Но выдвинулись изъ среды надзирателей и новыя силы.

Выдѣлялся жестокостью одинъ изъ надзирателей, высокій и здоровый хохоль Зайченко. Стоялъ онъ у насъ на коридорѣ. Но, если нужно было бить кого-нибудь, Волковъ бралъ его съ собой и на другіе коридоры тюрьмы. Съ того дня, какъ сталъ онъ дежурнымъ на нашъ коридоръ, большимъ камерамъ не стало житья отъ него. Только башенъ Зайченко почему-то не трогаль. Но въ избиеніи остальныхъ арестантовъ онъ проявлялъ необыкновенную жестокость.

Какъ-то пришелъ онъ на коридоръ совершенно пьяный, съ какимъ-то сѣрымъ перекошеннымъ лицомъ, съ безумными злыми глазами. Долго ходилъ онъ по коридору, шаркая ногами по асфальту, мрачно сжимая голову обѣими руками и громко ругаясь.

Затѣмъ онъ взялъ изъ угла метлу, сорвалъ съ палки вѣникъ и отбросилъ его ногой въ уголъ, а палкой сталъ махать надъ головой, такъ что она свистѣла въ воздухѣ.

Мы смотрѣли на это, какъ на обыкновенныя выходки пьянаго, который не знаетъ, что дѣлать.

Отошелъ обѣдъ и арестантовъ стали выпускать на opravку. Выпускали по 5 человѣкъ сперва изъ одной камеры, потомъ изъ слѣдующей и т. д. И вереницей по 5 человѣкъ проходили арестанты мимо нашей двери въ уборную, которая помѣщалась въ концѣ коридора, прямо противъ нашей башни.

Въ уборную прошла первая партія изъ 5 человѣкъ.

Зайченко сталъ у двери уборной, спрятавъ палку отъ метлы за спиной.

Вотъ арестанты выходятъ изъ уборной, бѣгомъ возвращаясь въ свою камеру. Зайченко стоитъ неподвижно, прижавшись къ стѣнѣ. Но, когда бѣжавшій спереди арестантъ поровнялся съ нимъ, онъ поднялъ палку и изо всей силы ударилъ его, такъ что тотъ со стономъ упалъ.

— Скорѣй пошевеливайся! — кричалъ Зайченко.

И съ громкимъ хохотомъ онъ гнался за бѣгущими по коридору арестантами и билъ ихъ палкой.

Такъ же избилъ онъ и слѣдующихъ 5 арестантовъ, пробѣжавшихъ въ уборную. На шумъ прибѣжали на нашъ коридоръ еще три или четыре надзирателя. Они громко смѣялись выдумкѣ Зайченка и пуще подзадоривали его шутками.

Когда дошла очередь до слѣдующей камеры, заключенные отказались выходить на opravку. Это прервало забаву Зайченка. И тогда надзиратели гурьбой подошли къ двери заупрямившейся камеры. Слышно было, какъ неистово ругались они, а одинъ изъ нихъ уговаривалъ арестантовъ:

— Чего зря ломаетесь? Вѣдь пойдете? Вотъ уже старшій придетъ, бока всѣмъ поломаешь. Выходи! Чего сталъ?

Зайченко побѣждалъ за старшимъ. И черезъ нѣсколько минутъ на коридорѣ гремѣлъ уже голосъ Волкова. Выхвативъ свой наганъ, съ налитыми кровью глазами стоялъ старшій въ дверяхъ непокорной камеры.

— Бунтовать вздумали, стервы! — кричалъ онъ и его крикъ переходилъ временами въ какой-то визгъ. — Всѣхъ перестрѣляю... Пойло собачье изъ вась сдѣлаю... Кто здѣсь зачинщикъ? Вамъ говорятъ, сволочь поганая, выдавай зачинщика сію минуту! А то плохо будетъ. Всѣхъ

сгною, падай! Сейчас стрѣлять буду. Говори, кто первый бунтовать начал? Кто выходит не хотѣль?

Зачинщикъ нашлся. Его долго и жестоко били на коридорѣ. Затѣмъ поволокли въ карцеръ... И снова старшій кричалъ изступленнымъ голосомъ:

— Выходи на оправку! Дежурный! Если здѣсь хоть одна собака заупрямится, если хоть одна стерва здѣсь бунтовать вздумаетъ, ты тутъ словъ не теряй, а стрѣляй разомъ. Я уже прибѣгу. Я къ этимъ стервамъ давно подбираюсь.

И старшій ушелъ съ коридора. Зайченко поднялъ съ полу оброненную во время суматохи палку отъ метлы и сталъ съ нею наготовѣ у двери уборной.

Оправка возобновилась. А вмѣстѣ съ тѣмъ возобно-вилась и потѣха надзирателей.

Такъ чудовищна, такъ гнусна была эта потѣха, что, не смотря на приобрѣтенную въ тюрьмѣ привычку ко всему относиться хладнокровно, я не могъ владѣть собою. Рыданія безсильнаго негодованія душили меня.

Въ двухъ шагахъ отъ меня озвѣрѣвшій отъ водки чело-вѣкъ для собственнаго удовольствія и для потѣхи сво-ихъ товарищей бьетъ палкой по головамъ и по спинамъ заключенныхъ, которые вереницей пробѣгаютъ мимо него. А эти заключенные, молодые и старики, уголовные и по-литическіе, осужденные и подслѣдственные, поочереди вы-бѣгаютъ на коридоръ подъ палочные удары. Выбѣгаютъ, такъ какъ намѣреніе уклониться отъ этихъ ударовъ раз-сматривается, какъ бунтъ, и за это имъ грозитъ смерть...

Въ двухъ шагахъ отъ меня происходитъ все это. И я долженъ молчать!

Долженъ молчать. Ибо что я могу сдѣлать? Крикнуть Зайченку и Волкову, что они палачи, звѣри? Не лучше ли ужъ за одно попытаться объяснить имъ, что они пре-вышаютъ свою власть, что по закону бить арестантовъ

разрѣшается лишь при опредѣленныхъ условіяхъ, только по опредѣленному мѣсту и не иначе, какъ розгами утвер-жденнаго образца?

Или пытаться протестовать иначе? Но какъ же, какъ?... Если бы хоть самоубійство было дѣйствитель-нымъ средствомъ протеста!..

Я воскресилъ въ памяти нѣкоторые пережитые въ тюрьмѣ моменты. И воспоминанія о нихъ оказались для меня мучительнѣе, чѣмъ я ожидалъ. Раскрылись старыя душевныя раны. Видно, я все же не могъ быть въ тюрьмѣ только наблюдателемъ. А если это были наблюденія, все же слишкомъ глубокой слѣдъ оставили они въ душѣ.

О многомъ не хотѣлось писать. О многомъ писать было больно и стыдно. И все же я воскресилъ въ памяти эти картины. Мнѣ казалось, что я долженъ былъ сдѣ-лать это ради памяти замученныхъ въ тюрьмахъ това-рищей.